

СВЕТ

Газета православного
Прихода храма святого
великомученика и це-
лителя Пантелеимона
поселка

КУЗЕДЕЕВО

Издаётся по благо-
словению Высоко-
преосвященнейшего
Аристарха, митропо-
лита Кемеровского и
Прокопьевского

№ 46
МАРТ
2013 г.

ПРАВОСЛАВИЯ

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ, И ТЬМА ЕГО НЕ
ОБЪЯЛА. (Евангелие от Иоанна гл. 1, стих 5.)

В номере:

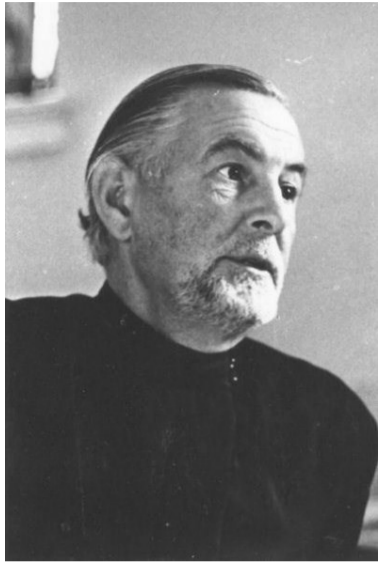
- ◆ Жажда прощения с.2
- ◆ О святых мощах с.2
- ◆ Простить—значит,
принять с.3
- ◆ Исповедь освобождает
человека с.4
- ◆ Вера Церкви с.5-6
- ◆ История Православ-
ной Церкви с.7-8

С НАЧАЛОМ ВЕЛИКОГО ПОСТА!

Протопресвитер
Александр Шмеман

Жажда прощения

Протопресвитер Александр Шмеман — выдающийся проповедник и богослов, один из известнейших священников XX века, декан Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке.

Последний день перед Великим постом всегда назывался в быту «Прощеным воскресеньем». В этот день читаются в церкви слова Христа: «Если вы не простите от сердца прегрешений друг другу, и Отец ваш небесный не простит вам прегрешений ваших». Вечером же, в самый канун поста, совершается в церквях обряд взаимного прощения, так что вступаем мы в пост, в период очищения, углубления, освящения нашей жизни примирен-

ными друг с другом.

Совість есть та таинственная глубина нашего сознания, из которой приходит к нам раскаяние и страстное желание очищения, возрождения, исправления. Именно раскаяние, этот голос совести, и приводит нас, как к первому шагу на пути очищения, к желанию простить и быть прощенным, вот к этому самому «прощеному» воскресенью. Почему?

Почему именно прощение и жажда прощения с такой очевидностью входят в нас одновременно с пробуждением совести как первое ее требование, обращенное к нам? Да потому, конечно, что совесть и являет нам самую сущность зла и неправды как разделения, как вины перед другими. Достоевский устами старца Зосимы сказал: «Каждый перед всеми во всем виноват...». С первого взгляда эти слова кажутся нам не только каким-то нестерпимым преувеличением, но и попросту — абсурдом.

В чем же я виноват перед другими? — как бы обиженно и надменно спрашивает наш разум, наше «внешнее» сознание. Что же касается «морали», то она, пожалуй, согласится признать, что да, кое в чем, перед кем-то я действительно провинился, но — тут же успокоительно прибав-

ляет она — разве без этого проживешь?

Оставим разум его недоумению, оставим даже и мораль ее объяснениям и оправданиям. Послушаем совесть — там, глубоко-глубоко внутри нас, где тихий, но такой твердый, такой беспощадный голос говорит: виноват. В чем эта вина? Нет, не в одних обидах и ссорах, действительно, пожалуй, неизбежных. Не в поверхностных пререканиях, не в мелочных раздражениях. Нет, эта вдруг ставшая для меня такой очевидной вина в другом: в самой моей жизни, насквозь пронизанной себялюбием, и это значит — сосредоточенной на мне самом, и это значит — отдаленной от «другого», от «других», превратившихся только в средство. Даже когда мы любим — любовь эта изнутри отравлена, искалечена «самостью», как если бы и в любви мы хотели любимого только для себя. Совесть, только совесть вдруг с беспощадной ясностью являет нам весь мир как борьбу всех со всеми, как постоянную «самозащиту», и потому «нападение», как арену животной борьбы каждого за то, чтобы выжить. Мы думаем, что враждуют, ненавидят, проливают кровь — другие. Государства, народы, правительства. Но посмотрим в себя — и мы в

себе найдем первоисточник того разделения, той борьбы всех со всеми, в которой происходит и на которую уходит вся жизнь. Только ощутив, осознав это — начинаем слышать мы внутренним слухом правду слов Достоевского: «Каждый перед всеми за все виноват», как и правду других слов, еще до Достоевского сказанных святым Серафимом Саровским: «Спаси себя — и спасутся вокруг тебя тысячи...».

Спаси себя: но это и значит — спаси себя, прежде всего, от этого изначального порабощения разделению, от этой внутренней отдаленности от жизни, от людей, от ведомого или неведомого состояния борьбы, в котором живем мы.

Простить, быть прощенным! Ведь это и есть поворот от разделения к единству, от вражды к любви, от отдаленности к соединению. Ибо простить — это не просто. Как мы часто говорим — «перестать обращать внимание» на недостатки других, или, еще хуже, — «махнуть рукой» на других. Это ли не равнодушие, не презрение, не цинизм. Простить и быть прощенным может только тот, кто вдруг со всею силой осознал весь ужас отсутствия в мире любви, всю бездонную печаль того одиночества, на которое в своем самоутверждении и себялюбии обреч

себя человек. Все это выражается, все это звучит в той молитве, с которой обращается Церковь в Прощенное воскресенье: «Не отврати лица твоего от отрока твоего, яко скорблю...».

Вот она — та светлая печаль, которой одной постигаем мы наконец и корень, и сущность, и силу зла: холод сердца, иссякание любви, торжество в мире одинокого и на одиночество обреченного самоутверждения. Мольба о прощении, жажда быть прощенным... Как маленький ребенок, провинившийся перед матерью, тоскует о потерянном рае и любви, так и каждый из нас узнает, что с этого обращения души, смятения сердца, с этой жажды примирения начинается в нас разрушение зла. И потому сколь бы ни было все это далеко нашей холодной, жестокой жизни, в которой силой навязанный «коллектив» не преодолевает, а усиливает одиночество каждого, сколь не было бы все это чуждо самому духу нашего времени — только тут — в силе совести, в жажде прощения и в обращении души — начало нашего духовного возрождения.

<http://www.pravmir.ru/zhazhda-proshheniya/>

Утвержден график пребывания в Кузбассе ковчега с частицами мощей 35-ти угодников Божиих

Митрополит Кемеровский и Прокопьевский Аристарх утвердил график пребывания в храмах Кузбасской митрополии ковчега с частицами мощей 35-ти угодников Божиих.

Напомним, святыня была передана православным верующим шахтерского региона представителями Австралийской и Новозеландской епархии Русской Православной Церкви Заграницей как дар к 20-летию образования Кемеровской епархии и 10-летию работы в области православных богословских курсов.

Честные мощи будут находиться в Знаменском соборе в Кемерове с 16 по 23 марта.

Затем святыня поочередно побывает в главных православных храмах городов:

- Прокопьевск (23-30 марта, собор Рождества Иоанна Предтечи),
- Киселевск (30 марта-6 апреля, церковь иконы Божией Матери «Скоропослушница»),
- Таштагол (6-13 апреля, церковь великомученика Георгия Победоносца),
- Осинники (13-20 апреля, церковь Святой Троицы),
- Междуреченск (20-27 апреля, церковь Всех Святых),
- Гурьевск (27 апреля-4 мая, церковь Святой Троицы),
- Новокузнецк (4-11 мая, Спасо-Преображенский собор).

<http://mitropolit.info/2013/03/04/14722>

Простить — значит, принять

Протоиерей Максим Первозванский

Прощеное воскресенье предвещает Великий пост. Красивая и, вроде бы, простая традиция — у всех просить прощения. А ведь она порождает множество вопросов...

У кого испрашивать в этот день прощения — у всех подряд или только у тех, кому ты наверняка причинил обиду? И как прощать от сердца, как узнать, простил ли ты на деле или только на словах? Что делать, если сил простить нет?

Разъяснить смысл Прощеного воскресенья и суть прощения мы попросили иерея Максима Первозванского.

Как перед смертью...

Отец Максим, откуда пошел этот обычай — просить у всех прощения в последний день перед Великим постом?

- Это вовсе не какое-то порождение народного фольклора, это древнейшая церковная традиция. Сам Христос положил ей начало своими словами, звучащими в Евангелии от Матфея: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6:14-15). Это неизменное Евангельское чтение в последнее воскресенье перед Великим постом.

Позже в Церкви появился чин прощения. В Египте или Палестине монахи на время Великого поста уходили поодиночке в пустыню и, конечно, не были уверены, что она не станет их последним пристанищем. Поэтому и примирялись друг с другом, прося за все прощения, как перед смертью.

Мы-то ни в какую пустыню не уходим... Почему продолжаем соблюдать эту традицию и Прощеное воскресенье по-прежнему приходится именно на канун Великого Поста?

Потому что входить в мирном состоянии в Великий пост категорически не рекомендуется. Это время очищения, духовного обновления перед Пасхой, соответственно, нужно постараться положить начало своему очищению, освободиться от бремени вины перед ближними, т.е. действительно со всеми примириться, всех от сердца простить.

Простить, а не извинить — А что значит — простить? Что мы должны вкладывать в это понятие?

- Есть два разных слова: «прости» и «извини». Это почти синонимы в современном русском языке, однако, изначально это очень разные по смыслу слова [1].

Вы не замечали, что часто гораздо легче сказать «извини», чем «прости»? «Извини» — значит, выведи меня из вины, сделай меня невиновным, другими словами, давай будем считать, что я перед тобой не виноват. Так ребенок, который полез на стол за конфетами и разбил вазу, может сказать: «Мам, я вот тут разбил твою любимую вазочку, извини меня». Тем самым он хочет оправдаться: «Я не виноват, так получилось».

А что такое «прости»? Это означает: я виноват, я признаю свою вину, но отпусти мне ее, прими меня таким, какой я есть, я постараюсь исправиться.

Поэтому и у Бога мы просим не извинить, а простить, а значит — принять. Принять виноватого, грешного, какого угодно — но принять.

Точно так же и с людьми: мы просим их принять нас такими, какие мы есть?

- Да, и в этом смысле прощение способно качественно поменять наши отношения. Нестановит у слова «простить» есть определенная связь — и фонетическая, и смысловая — со словом «просто». Обратите внимание, когда отношения между людьми начинают портиться, говорят, что они усложняются, т.е. теряют свою простоту и ясность: мы не можем просто поглядеть друг другу в глаза, просто улыбнуться друг другу, просто поговорить. А когда кто-то из нас произносит слово «прости», это означает следующее: «Я виноват, постараюсь исправиться, заглавить вину; давай устроим эти сложности, давай сделаем так, чтобы мы опять смогли смотреть друг другу в глаза».

Прояснения, мы пытаемся упростить наши отношения с людьми и с Богом, признав свою вину и отпустив вину сво-

ему ближнему. С этого и начинается наше очищение, с этого начинается Великий пост.

За что просить прощения? — Батюшка, а нужно ли в Прощеное воскресенье просить прощения у всех, кого хоть мало-мальски знаешь — по принципу «может, и его чем когда-то обидел, да не помню»? Или только у тех, кому совершенно точно причинил боль?

- Во-первых, мы просим прощения у тех, против кого мы согрешили, кого огорчили, с кем у нас недомолвки, сложности и проблемы в отношениях. -Во-вторых, мы должны просить прощения и у всех вообще людей — как наших братьев и сестер — за то, что мы плохие христиане. Ведь мы все — члены единого Тела Христова. Болеет ли один член, плохо всему телу — это одна из ключевых мыслей Писания. Адам и Ева согрешили — мучается все человечество. Я согрешил — мучается мой брат.

Кроме того, нужно просить прощения у людей за то, что мы их не любим по настоящему. Мы призваны любить каждого человека, а вместо этого мы с ним «чутьочку общаемся», потому что он нам не интересен. Нам интересна только собственная персона и те люди, которые в данный момент нам нужны. Вот грех против людей — в Прощеное воскресенье это полезно почувствовать.

Такого определения не означает, что нужно падать в ноги всем подряд. Но нужно постараться этот момент — отсутствие в себе любви — почувствовать и искренне раскаяться.

Как простить?

А как быть, если человек чувствует, что не способен простить? А пришел Прощеное воскресенье — вроде, прощать надо бы ...

- Любимый человек может простить. Говоря «я не могу простить», люди часто подразумевают, что не способны забыть причиненную им боль. Но простить — это вовсе не значит забыть боль. Прощение и не подразумевает автоматическо-

го и моментального ее исчезновения. Оно означает другое: «Я не держу на причинившего мне эту боль зла, не желаю ему возмездия, а принимаю его таким, какой он есть». Боли может и не стать меньше, но зато человек сможет прямо смотреть в глаза своему обидчику, если тот сам готов смотреть ему в глаза и искренне просить прощения за причиненную им обиду.

Но если обидчик и не думает признавать свою вину и идти на мировую?

- Тогда, конечно, мириться тяжело. Но Господь призывает нас простить даже врагов и Сам подает нам в этом пример. Такое всепрощение кажется чем-то фантастическим, неисполнимым, однако в Боге, во Христе это возможно.

Учась прощать, нужно помнить еще и вот какой момент: часто люди, причиняющие нам боль, поступают так по попушению Господа. Не в том смысле, что они не виноваты, а в том смысле, что эта обида пойдет нам во благо.

К примеру, если мы просим

хоть это тоже нелегко, в то время как на деле обида может и остаться...

- Дело в том, что прощение — это не одномоментный процесс. Бывает, что мы, вроде бы, все простили и забыли, а через какое-то время в нас опять вспыхивает негодование и злость на нашего обидчика.

В чем тут дело? А дело в том, что непрощение — это страсть. А страсть, однажды в нас поселившаяся, может со временем плотно укорениться в душе и, кроме того, способна затаиться, до поры до времени не подавая «признаков жизни». Особенно часто так бывает, когда нанесенная обида была действительно крайне болезненной и серьезной.

А кому выгодно, чтоб эта рана кровоточила вновь и вновь? Конечно, лукавому! Он без устали, всеми силами пытается сбить человека с пути, и если у нас есть какое-то «большое место» — то, из-за чего мы теряем равновесие, досадуем, гневаемся — он обязательно будет на него давить. Есть обида — этот «рогач» будет ее напоминать, освежать в нашей памяти неприятные поступки или слова, сказанные в наш адрес.

Этот шрам зарубцовывается долго — нужно время, однако необходимо и самому прикладывать усилия, чтобы он зарубцевался.

Надо себе напоминать, что с Богом возможно все. Христос, испытывая на кресте муки, которые нам страшно и представить, простил своих мучителей и нам даст силу простить наших обидчиков.

[1] В толковом словаре С.И.Ожегова у слова «извиниться» два смысла: 1. попросить прощения. 2. принести что-нибудь в свое оправдание (устаревшее).

Беседовала Валерия Посашко
<http://www.pravmir.ru/prostit-znachit-prinyat/>

Отец Максим, как же определить, простил я по настоящему или нет? На словах можно простить,

Вера Церкви

Христос Яннарас

(Продолжение. Начало в №27-45)

"Пресуществление" и "символ"

Христианскому Западу никогда не удалось выразить жизнь языком, свободным от рассудочных схем, от необходимости установления "объективной истины". Отрицая динамику жизни, он оставался приверженцем "объективности" понятий-сущностей и всегда определял бытие через объективные атрибуты сущности. Для западного сознания было невозможно понять, каким образом две различные сущности, или природы (тварная и нетварная), могут быть причастны единому способу существования. Поэтому они и не могли рассматривать церковную Евхаристию как экзистенциальное событие, как изменение именно способа существования, не влекущего за собой изменения сущностей, или природ.

Итак, католики говорят о пресуществлении (transsubstantiatio) хлеба и вина Евхаристии. Предложенные дары (хлеб и вино) пресуществляются: меняют свою сущность, обретают иную природу. "Через благословение хлеба и вина сущность хлеба целиком претворяется в сущность плоти Христовой, а сущность вина в сущность Его крови" (Триденский Собор, Sess.XIII, cap.4), в то время как чувственные свой-

ства хлеба и вина остаются неизменными лишь по видимости, превратившись во "внешние случайные признаки" (accidentia).

Однако это изменение сущности не связано с экзистенциальным событием, с превратностями человеческой жизни и смерти. Оно не затрагивает и не проясняет способа жизни - тленного или нетленного, смертного или бессмертного, но представляет собой рассудочно выведенное и поддерживаемое эмоциональной верой "сверхъестественное" (в конечном счете магическое) изменение природы объекта. Также "сверхъестественно" и спасение, приобретаемое через причастие пресуществленным дарам. Евхаристия здесь не изменяет способа существования человека, не преобразует его из индивидуального в церковно-тринитарный. Потому и Церковь не отождествляется с Евхаристией и Царством, но сводится к институциональной оправе для "присвоения" индивидуумом сверхъестественного пресуществления. Так римский католицизм вводит и поддерживает индивидуалистическую религиозность, а также отделение Церкви от мирян, сведение ее к чисто административной иерархии, что в корне противоречит апостольской истине и церковному опыту.

Естественным следствием этого оказы-

вается стремление католиков дематериализовать (как это и происходит) Евхаристические дары, так как совершающееся пресуществление интерпретируется ими символически: хлеб причастия - не обычный хлеб, который люди едят каждый день; он заменяется некоей "хостией", пресной и голой схемой. При этом мирян не допускают к причащению из Чаши, потому что вкушение вина опасно и противоречит идее пресуществления.

Протестантизм с первого мгновения отверг идею пресуществления, но сделал это исходя из той же западной убежденности в "объективности" сущностей. Для протестантов невозможно изменение сущности, или природы, Евхаристических даров: хлеб остается по природе хлебом, вино - вином. Если мы все же причащаемся плоти и крови Христа, это происходит потому, что хлеб и вино выступают как виды, символы, и образы, или как средство, орудие и залог "духовного" причастия и общения в вере с Господом. Здесь также отсутствует связь с экзистенциальным событием и жизненной реальностью. Христос присутствует в Евхаристии не Своей телесной сущностью, пребывающей на небесах, но лишь Своей животворящей силой, которая передается исключительно тем, кто подходит к прича-

щению с верой. Не разделяющие веры причащаются простым хлебом и вином и, разумеется, "в осуждение". Таким образом, вместо тезиса о "сверхъестественном" пресуществлении протестантизм вводит более обоснованное с точки зрения разума представление о преимущественном значении субъективного опыта, усиливая замыкание человека в индивидуалистической религиозности. Истина Церкви становится абстрактной и второстепенной, так как общение со Христом в Евхаристии есть событие субъективной готовности и веры и даже не предполагает необходимости института Церкви как посредницы в претворении даров. Библейское обетование спасения наглухо отделяется от экзистенциальных превратностей человеческой жизни, конструируется в качестве умственной категории "оправдания" и переживается как индивидуальная психологическая достоверность, как эмоциональная экзальтация, из чего следует практический вывод о необходимости морального "улучшения", то есть улучшения характера и внешних привычек. Сама истина о Троицном Боге в отрыве от евхаристического опыта церковного способа существования сводится к абстрактной догме, не связанной с жизнью и надеждой человека.

Таинства

Согласно апостольской и святоотеческой традиции, а также ее историческому продолжению в Православии, Церковь являет и реализует себя в событии Пятидесятницы, возобновляющемся во время каждого Евхаристического собрания.

Вся жизнь верующего, каждый аспект его существования представляет собой подготовку к принятию или самоприобщению дарам Святого Духа, претворение жизни. Это новое творение берет начало в акте, посредством которого мы вступаем в Церковь и становимся членами Тела Христова - в крещении и миропомазании.

Мы становимся членами Церкви не через принятие определенных умозрительных принципов или этических установлений, но прежде всего через действие вполне телесное: через троекратное погружение в крещальные воды, то есть реальное чувственное подтверждение того, что мы следуем за Христом в смерти и воскресении. Новообращенный член Церкви "погребается" как ветхий человек и "воскресает" после троекратного погружения в воду к новой жизни - жизни по образу Троицного бытия. Это добровольное погребение оказывается для твари (вслед за Христом) началом нового, нетленного существования, не подверженного разложению и уничтожению. В воде, символе и лоне жизни, восстанавливается и обновляется наше естество.

Именно в воде изначально зародилась жизнь, совершилось впервые непостижимое для рассудка отделение живой природы от инертной материи. Так и в крещаль-

ных водах возникает новая жизнь, утверждается коренное различие между личностной ипостасью и индивидуальным выживанием, ограниченным смертью. Епископ или священник призывает Святого Духа, преобразующего зрительный образ погребения и воскресения в экзистенциальное событие: "Совлеки с него ветхого человека и обнови его в жизни вечной, и исполни его могущества Святого Духа, воедино со Христом, дабы он не был более чадом плоти, но чадом Твоего Царства".

Именно здесь, в чувственной области, в жизни естества, совершает Святой Дух Божий преобразование образа нашего бытия, прививая тварный черенок к нетварному древу. Если природное рождение означает появление очередной биологической монады, подверженной закону дряхления и смерти, то крещение возрождает наше существо (1Пет.1,3), придает ему личностную неповторимость, выраженную в имени - неповторимость живой ипостаси, чье бытие основано на приобщении Богу, Отчей любви. Человек перестает быть просто индивидуумом, принадлежащим к определенному биологическому виду; одним из звеньев цепи, одной из единиц, составляющих множество. Отныне он сопричастен единству святых, сопричастен жизни Троицы: каждый из нас получает имя того или иного святого, каждый динамически реализует в своей личности откровение Божественной любви.

В первоначальной Церкви Святой Дух сообщался новокрещеным через апостолов: "Тогда возложили руки на них, и они приняли Духа Святого" (Деян.8,17). Эта непосредственная личная передача дара Святого Духа всем возрожденным к новой

жизни через крещение ныне осуществляется в Церкви через таинство миропомазания.

Через миропомазание новокрещеный член Церкви не только приобщается к жизни обновленной твари в Теле Христовом, но и получает печать личного усыновления, печать личностной и неповторимой связи с Пресвятой Троицей - связи, осуществляющейся благодаря непосредственному присутствию Святого Духа в самой глубине его существа, в его ипостасио сердцевине.

Ныне таинство Святого Духа совершается не через возложение рук, но через помазание миром, наподобие того, как совершалось помазание израильских царей в ветхозаветные времена. Смысл помазания на царство заключался в изменении не природы самого помазанника, но существа его взаимоотношений с народом: царь воплощал в своей личности идею и глубинную суть жизни, понимаемой как сопричастность и единение; и в то же время был как бы прообразом ожидаемого Мессии, "Помазанника ("Христа") Божия", который должен освободить Израиль и восстановить жизнь во всей полноте Божественных обетований. Равным образом Церковь видит в неповторимости каждой человеческой личности, получившей миропомазание, возможность обновления и проявления истинной жизни в Духе Святом и по образу Христа, освободившего и восстановившего жизнь в полноте Божественного образа бытия.

Евхаристия, крещение и миропомазание представляют собой способы постоянного возобновления и проявления Пятидесятницы, то есть нисхождения Святого Духа,

конституирующего Церковь. Эти способы получили наименование таинств (греч. mysterion). Кроме трех перечисленных выше, существуют также таинства исповеди, священства, брака и елеосвящения (соборования). Семь таинств - семь возможных путей органичного включения нашего индивидуального бытия в жизнь единого Тела Церкви, и в то же время - семь способов самоосуществления и проявления Церкви, в которых находит выражение новое творение, совершаемое Святым Духом.

Обозначая эти способы сообщения Духа как таинства, мы не стремимся приписать им некий оккультный характер, но хотим подчеркнуть тот факт, что динамическое включение в жизнь Церкви не исчерпывается феноменологией чувственных символов. Для этого недостаточен язык нашего повседневного быта и науки. Для того, чтобы познать реализующиеся в Церкви жизненные потенции, необходимо непосредственное и всецелое, "кафолическое", участие человека в церковной жизни.

В соответствии с западной концепцией Церкви - концепцией институционалистской и бюрократической - многие верующие воспринимают сегодня таинства как сакральные формализованные действия, посредством которых священник передает пастве "сверхъестественную" (магическую, по существу) благодать или оправдание, или абстрактное "благословение". После всего сказанного выше нет нужды лишней раз повторять, что подобная концепция весьма далека от жизни и ее динамического возрождения в нетленности и бессмертии, даруемых Святым Духом Божиим - Духом, Который зиждет Церковь.

Церковная иерархия

В наше время многие люди - очевидно, под влиянием вышеупомянутой западной концепции - отождествляют Церковь исключительно с клиром, то есть с епископами, священниками и диаконами, отделяя, таким образом, верующих от тех, кто "совершает" церковные таинства. Нам следует рассмотреть, насколько реально подобное противопоставление, каким образом возникли в Церкви особые функции клириков и какова их связь с истиной веры - с провозвестием истинной жизни.

Обратимся к нашему первоначальному определению: Церковь есть прежде всего Евхаристическая трапеза, вкушение хлеба и вина. В христианской Евхаристии, как и за еврейской пасхальной трапезой, кто-то должен благословить чашу с вином и вознести благодарственную молитву. Эта роль отводится старейшему в семье (греч. presbyteros) или председательствующему в собрании. Во время Тайной Вечери за пасхальной трапезой председательствовал Сам Христос, а после Пятидесятницы Его место заняли апостолы. Они возглавляли

Евхаристическую трапезу и возносили благодарственную молитву, преломляя хлеб и благословляя чашу с вином. Когда впоследствии они оказались рассеянными по свету, то основали почти во всех областях известного тогда мира Церкви "по городам", то есть местные евхаристические собрания, председательство в которых сохранялось (по крайней мере, на первых порах) за апостолами.

О том, как происходило образование первых христианских общин, мы знаем из свидетельств Луки ("Деяния Апостолов") и Павла ("Послания"). Исходным моментом рождения общины всегда была проповедь. Придя впервые в какой-нибудь город, каждый из апостолов направлялся в иудейскую синагогу или на городскую площадь, агору, где публично проповедовал "новое учение" о воплощении Бога и спасении человека. Те из слушателей, кто проявлял особый интерес к новому учению и хотел узнать о нем больше, собирались затем, как правило, в частных домах, где апостолы излагали евангельские истины более полно и подробно. В этом тесном кругу верующие готовились к принятию крещения и "дара Святого Духа" из рук апостолов

- единственных, кто мог сообщить его. Новокрещеные тотчас объединялись в Евхаристическую общину, то есть в местную Церковь, возглавляемую апостолом-основателем.

Однако странствия Апостолов не прерывались с рождением новой Церкви, так как Благую Весть следовало принести и в другие города. Тогда основатель общины, вынужденный покинуть ее, выбирал одного из верных и через возложение рук сообщал ему особый дар - харизму "старшинства" в местной Церкви. Функции главы общины заключались в том, чтобы "председательствовать" за Евхаристической трапезой, совершать крещение и сообщать "дар Святого Духа" - словом, быть духовным отцом верующих в деле их возрождения и "возрастания в благодати и познании". В новозаветных текстах эти первые возглавители местных Церквей названы епископами (греч. episkopos - букв. "наблюдатель") или пресвитерами ("старейшинами"). Похоже, эти два термина употреблялись как синонимы, поскольку и тот, и другой обозначали одно и то же лицо - "председателя" единого Евхаристического собрания, то есть местной Церкви.

Тем не менее, исходя из подлинных исторических свидетельств апостольских времен, можно сделать вывод об изначальном существовании в каждой местной Церкви "совета пресвитеров" - своего рода вспомогательного органа при главе Евхаристической общины. Так, если община сильно разрасталась и одновременное присутствие всех ее членов на едином Евхаристическом собрании становилось невозможным, "председатель" мог разделить верующих на несколько собраний и поставить во главе каждого из них пресвитера, при этом удерживая за собой "наблюдение" над всей совокупностью собраний. Отсюда его наименование - епископ местной Церкви. Отдельные собрания стали общинами верующих определенной территории - церковными "приходами". Пресвитеры совершали Евхаристию как представители епископа и от его имени каждый раз при возношении Святых Даров поминая своего епископа, который оставался отцом верующих, носителем благодати, преемником апостолов и Самого Христа.

(Продолжение на стр.6)

Разделение верующих на приходы и совершение Евхаристии пресвитерами несколько не разрушало единства местной Церкви, не отрицало существенной единственности Евхаристии и единого тела Церкви, возглавляемой одним епископом "по образу и вместо Христа". Епископ - не просто преемник Христа и апостолов в смысле передачи юридических прав и не просто символ присутствия Христа в общине, "Дар Святого Духа", обретенный епископом через рукоположение, сообщает ему способность (независимо от его личных качеств) осуществлять евхаристическое единство Церкви, возможное благодаря присутствию в ней Самого Христа. При этом единство означает в церковном понимании вовсе не "сплоченность", "согласие" и "единодушие" отдельных людей как элементов общей структуры, но изменение образа бытия, преобразование индивидуального выживания в общине любви, в жизнь вечную.

Евхаристия - не культово-религиозный ритуал, а совершающая ее епископ ("по образу и вместо Христа") и священники ("по образу и вместо" епископа) не образу-

ют "клира" как обособленной от остальной массы верующих касты, чье "посредничество" необходимо для умиловления Божества. Они воплощают в себе преобразующее жизнь единство общины, они - "отцы", "рождающие" людей для жизни бессмертной и нетленной, единой и в то же время разделенной между всеми, как в лоне семьи. Воспе не случайно ранняя Церковь уподобила соединяющую общину узы семейному родству: председательствующий в Евхаристическом собрании назван отцом, члены Церкви - братьями. Различие заключается в том, что в семье единство жизни определяется родством по крови, выступающим как естественная охранительная взаимозависимость, в то время как жизненное единство Церкви есть плод свободы.

Подлинное единство и истинная свобода выражаются в совместном противостоянии жизненным трудностям и невзгодам. Благотворительная деятельность Церкви осуществлялась под руководством особых лиц - диаконов (букв. "служители"). С первых дней жизни Церкви в ней сложился институт диаконов (Деян.6,1-7), избираемых

народом и рукополагаемых апостолами на служение ("диаконию") бедным, больным и прочим членам общины, нуждающимся в заботе и поддержке. Диаконы не совершают, даже от имени епископа, ни Евхаристии, ни других таинств. Они принимают некоторое участие в Евхаристической литургии, но основное их предназначение - помощь нуждающимся. Следовательно, для осуществления этой задачи необходимо особое посвящение, особый духовный дар. И в самом деле: в Церкви помощь страждущим есть проявление истины и жизни, а вовсе не признак утилитаристского альтруизма.

Благодать, получаемая диаконами через рукоположение, дается им для служения динамическому распространению Евхаристии на совокупную жизнь Евхаристического Тела: для того, чтобы преобразовать служение практическим потребностям выживания в "подлинную жизнь" как общение в любви согласно троичному прообразу бытия. Забота и попечение о неимущих в Церкви есть органическое следствие преобразования индивидуумов в личности, причастные жизни единого живого тела в

качестве его членов. "Страдает ли один член, страдают с ним все члены" (1Кор.12,26). Мы в Церкви заботимся о неимущих не для того, чтобы победить и устранить бедность, болезни и нужды, не ради сражения со злом, не потому, что рационалистически программируем "улучшить" или облегчить условия выживания, но единственно из любви. В этом наше коренное отличие от всех видов государственного попечения и моралистической "филантропии". Оно упраздняется, если мы отвергаем истину Церкви, если видим в ней лишь "религию" и институт, отвечающий благочестивым настроениям и эмоциональным потребностям. В этом случае дело церковного милосердия используется как доказательство полезности "института", соперничающего с государственными органами социального обеспечения, и утопическим альтруизмом моралистов. Тогда благодать церковной диаконии остается необъяснимой: диаконовское служение сводится к вокальному украшению литургии, совершаемому низшими чинами иерархии священства, младшими служащими епископской канцелярии.

Церковь обладает определенной организационной и иерархической структурой, которая призвана служить выявлению и реализации Церкви, то есть совершению Евхаристии. Какое-либо иное предназначение административных структур невозможно или, по крайней мере, не могло бы оказаться преобладающим, ибо привело бы к искажению и извращению церковной истины, церковной самоидентичности. Внутренняя организация, административное деление и иерархия функций в Церкви имеют единственный источник и цель - совершение Евхаристии. Кроме того, они служат динамическому "продолжению" Евхаристии, преобразению жизни верующих, а также являются формой самовыражения Церкви, ее свидетельством о вере, обращенного во внешний мир.

Предварительными условиями для совершения Евхаристии являются собрание верующих, получивших крещение, и присутствие "председателя" собрания - епископа либо его представителя, пресвитера. При наличии крещеных верующих единственное, что необходимо для создания Церкви, - присутствие епископа-предстоятеля.

Первые епископы рукополагались апостолами; что же касается преемственности епископского служения, то этот вопрос оказался, должно быть, первой сложнейшей организационной проблемой, с которой пришлось столкнуться Церкви.

Апостолы передали первым епископам дар евхаристического претворения жизни, полученный ими непосредственно от Христа. Передача этого дара (харизмы) совершалась через хиротонию, то есть возложение рук, и призывание животворящего действия Святого Духа. С уходом поколения апостолов единственными носителями этого дара оказались уже рукоположенные епископы. Без особых отвлеченных мудрствований установилась практика рукоположения каждого нового епископа не менее чем тремя епископами соседних областей. Выдвижение кандидатур осуществлялось членами "вдовствующей" общины или епископами смежных диоцезов; или же епископ местной Церкви сам предлагал своего преемника, но рукополагать избранника могли исключительно епископы в количестве не менее трех человек.

Собрание трех епископов с целью рукоположения четвертого оказалось исходным пунктом формирования нового церковного органа, получившего наименование собора, или синода. Изначально собор представлял собой явление литургическое, связанное с Евхаристией, для него совещательные функции вовсе не являлись главными: трое (и более) епископов собирались прежде всего для совместного совершения Евхаристии. Однако при этом возникала проблема первенства ввиду того, что лишь один из епископов, в качестве "председательствующего" совершает приношение Даров и возносит благодарение Господу. Кому же из собравшихся на собор епископов принадлежит первое место? Кто возглавит совместную Евхаристическую службу?

Соборы. Первенство. Власть

Также и в этом случае церковная практика последовала, без особых размышлений, обычаем эпохи и историческим обстоятельствам: первенство было признано за епископом крупнейшего города области, ее административного и культурного центра. Такой центр обыкновенно назывался митрополией ("город-мать"); отсюда дополнительный титул епископа митрополита - митрополит. На митрополита возлагались некоторые особые функции: так, помимо председательства на местном соборе, он должен был выступать арбитром при разрешении споров и конфликтов между епископами, а также между епископами и подчиненными им пресвитерами.

Институт митрополий получил последовательное и полное развитие после окончания гонений и признания христианства официальной религией Римской империи (religio imperii). Одновременно шел процесс формирования соборов как таких церковных институтов, в которых иерархия внутри епископата обрела свой окончательный вид. К концу V века епископы четырех крупнейших административных и культурных центров империи - Рима, Константинополя, Александрии и Антиохии - получили титулы патриархов и "первенство чести" перед остальными митрополитами. Кроме того, митрополит Иерусалима также именовался патриархом ввиду особой исторической миссии города. Таким образом, сложилась иерархия ("пятивластие") патриархов, которой суждено было служить структурной основой церковной жизни на протяжении всего периода единого и неделимого "вселенского" христианства.

Вместе с тем различие "чести" и административных функций, возникшее между митрополитами и патриархами, ни в коей мере не затронуло сущности епископского служения. Независимо от географической протяженности и политического значения епископии, от наличия или отсутствия дополнительных титулов митрополита или патриарха, епископ остается прежде всего главой и "председателем" Евхаристического собрания.

Вот почему любой собор - поместный (собор епископов определенной территории) или вселенский (объединяющий епископов всей христианской ойкумены) признавал равноправными голоса и мнения всех его участников, не проводя никакого различия в этом отношении между патриархами, митрополитами и просто епископами. Патриарх Рима или Константинополя ("нового Рима") и епископ самой маленькой и незначительной области пользовались равным правом голоса, а их точки зрения в принципе обладали равным весом.

Каждый из участников собора представляет не какую-либо часть населения, географическую область или политическую силу и не свою личную точку зрения, которая может быть в большей или меньшей

степени продуманной и обоснованной; на соборе епископ выступает свидетелем живого опыта возглавляемой им Евхаристической общины; он - носитель этого опыта, подлинность которого и есть истина католической (вселенской) Церкви, полнота и осуществленность провозглашаемой Церковью истины. При этом неважно, идет ли речь об общине крупного города или скромного селения, об опытного достоянии многих или же значительного числа людей.

Как мы уже видели ранее, соборы сформулировали определения, пределы церковной истины, то есть ее границы, или контуры. Истина, однако, не исчерпывается формулировкой, ибо представляет собой не теоретическую "систему" и не "трансцендентную идеологию", но должна быть пережита и экзистенциально реализована в жизненной динамике Евхаристической общины.

Если же на соборе отдельные епископы или все собрание в целом высказывает взгляды и принимает решения, расходящиеся с евхаристическим опытом, такой собор объявляется ложным, а епископы подлежат низложению, так как судьей и хранителем церковной истины является в конечном счете народ - носитель евхаристического опыта "истинной жизни". История знает случаи, когда собор, созываемый в качестве вселенского и претендующий на универсальную значимость для всего христианского мира, отвергался народом и получал наименование "разбойничьего" или псевдособора. В то же время другие соборы, гораздо менее претенциозные по своим целям, были признаны вселенскими, ибо выраженная и сформулированная ими истина носила подлинно вселенский, католический характер.

Эти исторические факты: отрицание всякого возведенного в ранг закона авторитета и всякого непогрешимого властного начала в Церкви - остаются совершенно непонятными и труднообъяснимыми сегодня, когда вся наша цивилизация - наш образ жизни - предполагает подчинение заранее данной непогрешимости законов, идеологий, структур и программ, а также отстранение народа от управления в важнейших для его жизни областях.

Эта авторитарная цивилизация - порождение западноевропейского средневековья. Именно тогда начал набирать силу и достиг кульминации с окончательным отколом Запада от Востока (1054) процесс отделения истины Церкви от события Евхаристии и совокупного опыта церковного народа. Истина была отсечена от живого опыта и превратилась в абстрактное учение, в непреложную "догму", а носителем догмы стал институт священников, клир. Событие Церкви подверглось отождествлению с иерархией клириков, с административной организацией духовенства и превратилось во властную структуру, в конеч-

ном счете - в государство. Таким образом, для христианского Запада представляется немислимый вселенский собор епископов, подлежащий утверждению и принятию всем церковным народом, так как для западного исторического сознания, а также умственного и душевного склада истина связана с властью, с "объективным" и "законным" насилием, перед которым народ склоняет голову и подчиняется - или же против которого восстает и сметает власть предрержащих.

Многовековая религиозная традиция сформировала эти интеллектуальные и психологические особенности западных христиан, выработала у них безусловную потребность в некоем объективном авторитете для определения истины - потребность в непогрешимой кафедре или богдохновенном Писании, призванных служить психологическим гарантом индивидуального обладания истиной. Это и привело западное христианство к трагической диалектике подчинения и бунта, рабской покорности и революционного восстания, наложившей печать на всю новейшую европейскую историю.

Однако, согласно традиции единой христианской Церкви и ее исторического продолжения в Православии, истина веры не может быть отождествлена с "непогрешимыми" институтами и структурами власти, не потеряв при этом самой своей сущности. Дело в том, что авторитет и власть дают нам "объективную" уверенность в обладании истиной, и поэтому воздвигают своего рода крепость вокруг человека, не давая ему вырваться из плена греха и отделяя его от церковного образа бытия. Самоутверждение индивидуальности нашего "я" тем полнее и "непроницаемее", чем непосредственнее срачиваются авторитет и "непогрешимость" с институтами и иерархическими структурами Церкви.

Традиция единой Церкви и Православия воспринимает истину веры как событие Евхаристии: преобразование индивидуального выживания в жизнь, которая есть разделенный всеми дар любви и самоотдачи; в отказ от эгоизма - ради того, чтобы обрести источник нашего бытия и личностной неповторимости в том факте, что мы любим и любимы. Мы должны потерять, чтобы сберечь, по словам Евангелия, - потерять нашу душу (Лк.9,24). Истина Церкви в том, чтобы "потерять" всякую самоуверенность и самодовольство, переходящие по своей сути, - потерять ради обретения жизни в ее непрерывном осуществлении, в деянии, совершаемом в свободе. Подменяя динамику жизненного свершения окаменевшими институтами с их подавляющей внутренней неподвижностью, мы добровольно меняем жизнь на смерть, истину - на иллюзию или ошибку.

(Продолжение в №47)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской
Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в №27-45)

В конце II в. у Климента Александрийского мы находим упоминание об основании Александрийской церкви св. Марком, учеником св. Петра (ср. 1Пет.5:13). Возможно, это знак ранних связей александрийской общины с Римом, и, возможно, египетское христианство стало сколько-нибудь заметным в результате римской миссии около 150 г., в то время, когда Римская Церковь не на жизнь, а на смерть сражалась с маркионитами и валентинианами. О ее тесных связях с Западом свидетельствует и другой факт: согласно найденным папирусам, книга св. Ириней стала известна в Египте буквально через несколько лет после ее написания. Это показывает заботу местных христиан о сохранении православия в Египте. Однако вплоть до Климента Александрийского и Оригена характер египетского христианства остается неясным, и мы можем лишь строить более или

менее вероятные предположения о нем.

Римская провинция Африка, т.е. прибрежная полоса вокруг древнего финикийского города Карфагена, культурно и экономически связанная с Европой, была христианизирована во II в. Первое свидетельство о христианстве в Африке - латинские акты мучеников в Нумидии, датированные 180 г. Очевидно, что христианство пришло туда намного раньше. В 200 г. Тертуллиан свидетельствует о глубокой христианизации всего региона. В его трудах мы находим ссылки на церкви в Африке Проконсуларис (Северный Тунис), в Бизацене (Южный Тунис), в Нумидии и Мавритании (Алжир). Именно во времена Тертуллиана христианство в Африке было весьма распространено. Вновь вспомним его знаменитые слова: "Мы существуем только со вчерашнего дня, и, однако, мы наполнили все ваше: города, острова, крепости, муниципии, лагеря, трибы, курии, дворец, сенат, форум. Мы не оставили вам ничего кроме

ваших храмов..."

Происхождение первых миссионеров нам неизвестно. Рим был ближе всего к Карфагену, и связи ранних африканских христиан со столицей были весьма активными, хотя и не всегда дружелюбными. Но Карфаген вел оживленную торговлю с Ближним Востоком, так что миссионеры вполне могли прибыть и оттуда.

В 200 г. многие африканские христиане были грекоязычными, причем они придерживались несколько других литургических обычаев, чем их латинские братья. Весьма вероятно, что именно в Африке были созданы первые переводы Евангелия на латинский язык. Скорее всего, для этих переводов использовалась простонародная (вульгарная) латынь. По всей видимости, переводилась Библия не за один раз, а кусками в разных местах, когда к этому вынуждали обстоятельства. Все эти переводы были собраны вместе к 400 г., когда появилась первая официально признанная

латинская Библия. Ее официальный статус доказывается еще и тем, что Вульгата св. Иеронима (см. ниже) была встречена в штыки африканскими христианами.

О Церкви в Испании, кроме предполагаемого путешествия св. Павла, мы знаем лишь из ссылок св. Ириней и Тертуллиана. Св. Киприан упоминает церкви в главных городах провинции: Леон, Асторга, Мерида и Сарагосса. В начале IV в. из канонического собрания в Эльвире мы узнаем о повсеместном распространении Церкви в Испании и о серьезных нравственных проблемах многих ее членов. Возглавлявший собор епископ Осий Кордубский позже сделался церковным советником Константина и одним из самых влиятельных богословов своего времени.

Даже сами христиане дивились скорости и широте распространения их веры. Но увеличение числа христиан неизбежно принесло в Церковь новые проблемы и соблазны.

Монтанизм

1. Итак, Церковь освободилась от двух соблазнов: иудео-христианства, с одной стороны, и гностицизма - с другой. Теперь она была уже монолитной вселенской организацией, с точными границами, точным правилом веры, авторитетом, дисциплиной и финансовыми ресурсами. Она владела сетью богаделен, больниц, кладбищ, вела широкую благотворительную деятельность. В Африке на соборы съезжались по 300 епископов, Малая Азия была вся покрыта христианскими общинами.

Но увеличение числа христиан приводит к некоторому упадку, к понижению духовного уровня, к ухудшению нравственного состояния Церкви. Конечно, грехи и падения были в Церкви с самого начала. Но теперь меняется оценка этих грехов в христианском сознании. Для первохристианства Церковь виделась как общество святых, и святость была нормой ее жизни. Белая одежда крещения должна была быть сохранена на всю жизнь. Грех переживался как глубокая ненормальность, как мучительное противоречие. Ему не было места в Церкви - в обществе святых. Именно об этом пишет апостол Иоанн: "Мы знаем, что всякий, рожденный от Бога, не грешит" (1Ин.5:8).

Сознание того, что грех недостойн святых, сильно отличалось от нашего, современного сознания, воспринимающего святость как исключение. В ранней Церкви святость была мерой жизни каждого христианина, она была нормой церковности. Лишь в середине II в. вводится второе покаяние - возможность возвращения в Церковь отлученного от нее грешника, восстановление силы крещения, утерянной в от-

падении.

Постепенно Церковь осознает себя как общество спасенных грешников. Да, в Церкви нет места греху, но она существует для грешников, поэтому развитие покаянной дисциплины, понижение требований было не падением Церкви и не изменой ее исконному идеалу, а исполнением ее вечного назначения - спасать и обновлять человека.

Однако многие христиане не выдерживают этого реализма Церкви. Ее вращение в самую гущу человеческой истории было для них самым большим искушением, оно казалось им изменой. Именно в этом искушении следует искать корни монтанизма.

2. Монтанизм был основан во второй половине II в. фригийцем Монтаном с двумя "пророчицами" Прискиллой и Максимиллой. Монтан отвергал иерархическую структуру Церкви и утверждал, что руководство в ней должно принадлежать особым вдохновенным пророкам ("харизматикам"). Основатель секты проповедовал в состоянии экстаза, выдавая откровения, исходящие от "Параклита" (Утешителя). Сама форма пророчеств была непривычна для многих христиан: Монтан проповедовал не в третьем лице, как библейские пророки, а в первом - как будто через него говорил Сам Святой Дух, используя уста пророка как инструмент.

Смысл монтанизма был таков: откровение продолжается, Второй Завет с Сыном еще не полный и не окончательный, лишь в последнем Богооткровении - в пришествии Святого Духа - завершается спасение. Новое пророчество, новое откровение, Третий Завет посланы Богом через Монтана и двух пророчиц. Монтан объявил себя воплощением Параклита. Любое противоре-

чие Монтану, Прискилле или Максимилле объявлялось хулой на Святого Духа.

Монтанизм характеризовался напряженным эсхатологизмом. Его пафос был в непосредственной близости конца времен и страшного суда. Другой чертой монтанизма был миллениаризм: Господь после Своего пришествия будет править на земле в течение следующих 1000 лет. Монтанисты придерживались самых ригористических нравственных норм: от своих последователей они требовали строгого аскетизма, отказа от брака, от употребления мясного и активного стремления к вольному мученичеству, ибо конец должен скоро наступить. Местный патриотизм Монтана и его пророчиц проявился в их проповеди о нисшествии Небесного Иерусалима на землю во Фригии.

Отвержение монтанизма далось Церкви с трудом. Осужденный почти сразу на месте своего возникновения во Фригии, он разделил церкви в Малой Азии: некоторые из них считали новое пророчество божественным, другие - дьявольским. В конце концов сторона, не принявшая монтанизм, победила, но за победу пришлось заплатить дорогой ценой. Например, в Фиатире вся церковь оставалась монтанистской более ста лет. В Риме и в Африке монтанизм был принят даже отчасти восторженно. Трудность борьбы усугублялась жертвенностью и верой монтанистов, которые зачастую превосходили проявления веры членов Церкви или, во всяком случае, внешне были куда более эффективны. Потребовалось много времени, чтобы понять сектантскую сущность монтанизма. Даже св. Ириней первоначально колебался; колебался и Рим. К монтанизму примкнул знаменитый Тертуллиан - один из величайших богословов ранней Церкви. Основан-

ная им монтанистская община просуществовала почти до VI века под именем тертуллианитов.

Православный ответ на монтанизм был сформулирован св. Ипполитом Римским. Как отмечает св. Ипполит, самым слабым звеном монтанизма было то, что он вносил разделения в среду верующих. Стремление к сверхъестественным дарам само по себе неплохо, считал св. Ипполит, но главное чудо - это обращение души к Богу. Следовательно, каждый верующий обладает дарами Духа: все сверхъестественное содержится в обычном служении Слова и Таинства, а не в иррациональных экстатических истериках, которые приводят лишь к гордыне и взаимным осуждениям.

"Победа Церкви над монтанизмом исторически - одна из величайших ее побед. Она была одержана в тот момент, когда перед Церковью стоял роковой вопрос: остаться кучкой "совершенных", отгородиться от всего, не способного это совершенство вынести, или же, не меняя ничего в последнем своем идеале, принять в себя "массу", вступить на путь медленного ее воспитания? Остаться вне мира, вне истории или же принять ее, как свое поле для тяжелого труда?" (протопр. Александр Шмеман). Стоит только добавить, что искушение это возникло перед Церковью много раз в течение всей ее истории. И всякий раз Церковь побеждала его, хотя и теряя при этом кучки "совершенных", готовых канонизировать самих себя еще при жизни.

Как реакция на монтанизм, Церковь приняла ряд важных решений. Как мы уже отмечали выше, было осуждено провоцирование мученичества. Были осуждены попытки развоплотить историческую Церковь в Третьем Завете.

Тертуллиан

На Западе вторым по величине и значению городом после Рима был Карфаген, столица провинции Африка. В деревнях жили выходцы из Финикии пунийцы, говорящие на пунийском языке, принадлежащем к семитской группе языков (их потомки сейчас заселяют Мальту), и берберы. Большую часть обитателей городов, администрации провинции и землевладельцев составляли римляне. Значительным сегментом населения были греки. Многие жители провинции владели греческим, и именно среди них в первую очередь начало распространяться христианство. В конце IV в. епископ в Гиппоне (второй город провинции после Карфагена) был греком, очень плохо знающим латынь. Греки переселялись в Африку либо с Востока, либо из Южной Италии и Сицилии.

Очевидно, что христианство пришло туда весьма рано, но первое упоминание о нем мы находим в "Актах нубийских мучеников", датированных 180 годом. В 202 г. началось жестокое гонение Септимия Севера. В амфитеатре мученически погибли христианка Перпетуя и ее служанка Фелицитата. В акты мученичества включен бесценный документ - дневник, который Перпетуя вела в тюрьме.

Самым известным человеком в ранней истории христианства в Африке, несомненно, является Тертуллиан, оставивший после себя значительный корпус сочинений.

Квинт Септимий Флорент Тертуллиан родился около 155 г. в языческой семье. Он получил светское образование и сделался юристом. Обратился в христианство приблизительно в 193 г. в Карфагене. Стал пресвитером. Потом он переехал в Рим, где составил себе обширную юридическую практику. Тертуллиан очень много писал. Около 207 г. он уклонился в монтанизм. Умер Тертуллиан вскоре после 220 г.

Тертуллиан обладал острым умом, сложным и оригинальным характером. Его блестящие полемические сочинения - саркастические, едкие - подавляют аргументами, выставляют противника глупцом. Может быть, самые интересные писания Тертуллиана посвящены должному поведению христианина в обществе, пронизанном языческими обычаями. Тертуллиан требовал, чтобы христиане тщательно уклонялись от всех форм разврата идолопоклоннического мира. Он заявляет бескомпромиссное "нет" театрам, армии, государственным должностям, связанным с идолопоклонничеством. В его трактовке христианская жизнь - это прежде всего схватка с дьяволом, борьба не на жизнь, а на смерть. Именно поэтому он столь бескомпромиссен: ни в коем слу-

чае нельзя допускать никакого идолопоклонства. Тертуллиану было безразлично общественное мнение. Он мог использовать сомнительные аргументы, если они приносили ему победу над его противником. Иными словами, он считал, что против дьявола можно использовать его же собственное оружие.

Вообще он чувствовал себя лучше всего, защищая маленькую ригористическую группу против большинства, поэтому понятен его уход из Церкви. Долгое время он защищал монтанизм "изнутри" Церкви, и лишь когда он убедился, что Церковь не собирается признавать Новое Пророчество, он ушел из нее, осудив ее за бездуховность, обмирщение и бюрократизацию.

Его уход из Церкви также был связан с распространением обычной второго покаяния, против которого Тертуллиан стал в конце концов выступать, хотя ранее и допускал его. Он больше не хочет давать грешникам возможности прощения, возвращения, надежды. Церковь может прощать грехи, но не должна, ибо Церковь, в которой есть еще грех, - не последняя, не настоящая. И он уходит в "расправленное христианство" (прот. А. Шмеман), в Третий Завет, чтобы последнюю часть жизни бороться против той Церкви, защите которой он посвятил свои лучшие годы.

Тертуллиан был и противником филосо-

фии. Известна приписываемая ему крылатая фраза: "Верую, ибо абсурдно". Хотя среди его сочинений эту фразу найти невозможно, она достаточно хорошо выражает его характер и его отношение ко внешнему миру и к его мудрости. Однако Тертуллиан не был онтологическим пессимистом. Он верил, что хотя мы наследовали поврежденную природу, образ Божий в ней был лишь затемнен, но не уничтожен. Бессознательно наша "душа по природе христианка". Евангелие, считал Тертуллиан, освобождало душу от предрассудков язычества, чтобы она могла исполнить свое назначение по плану Господа.

Однако, несмотря на свой уход из Церкви, Тертуллиан продолжал оказывать громадное влияние на латинское богословие. Знаменитый латинский апологет Минуций Феликс был его младшим современником и учеником. Он использовал аргументы Тертуллиана, несколько смягчив их и разбавив цитатами из Платона, Вергилия, Сенеки и Цицерона, сделал их, таким образом, куда более подходящими для вкусов образованной публики. По свидетельству блж. Иеронима, св. Киприан называл Тертуллиана просто: "учитель" - и ежедневно изучал его писания. Даже в знаменитом томосе папы Льва (V в.) видно влияние Тертуллиана.

(Продолжение на стр.8)

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской
Православной Церкви)

Гонение Декия. Священномученик Киприан Карфагенский ских празднествах по поводу отражения очередного набега. Толпа увидела в этом неопровержимое доказательство их измены и злокозненности и устроила громадный погром.

250 г. стал началом гонения Декия (249-251). По его новому указу от каждого гражданина Империи требовалось предъявить справку (libellus), что он перед специальной комиссией принес жертву статуе императора. Пески Египта сохранили для нас несколько таких справок. Итак, впервые римское государство взяло на себя инициативу гонений на христиан.

Гонение грянуло как гром с ясного неба. За предыдущие годы христиане успели привыкнуть к относительной безопасности и стабильности, и испытание для многих оказалось непосильным. Конечно, во время этого гонения Церковь дала множество мучеников. Но главной новостью оказалось буквально массовое отступничество. Отпали очень многие, причем не только принеся жертву, но и подкупившие магистров.

"Страх поразил всех, - писал епископ Дионисий Александрийский, - многие и не из маловажных явились сразу; одни - уступая страху, другие, будучи чиновниками, - по обязанности службы, третьи - увлекаемые окружением. Одни были бледные и дрожащие, как будто не они должны были принести жертву, а их самих приносили в жертву идолам, и потому над ними смеялась толпа..." Та же картина в письмах Киприана Карфагенского: "Были такие, что не ждали вызова, чтобы подняться на Капитолий, ни вопроса, чтобы отречься... Сами они бежали на форум, спешили к смерти, как бы давно уже хотели этого... И предел преступления - детей тащили родители, чтобы те с первого возраста потеряли то, что получили на дороге жизни".

Гонение быстро пронеслось. Перед Церковью встал серьезный вопрос, что же делать с "падшими", которые осознали свое падение и теперь молили о возвращении в Церковь.

Уже в начале века признавалось "второе покаяние". Однако теперь то, что раньше рассматривалось как исключение, стало массовым явлением. Учитывая всю важность мученичества для Церкви, можно понять, почему вопрос о падших вызвал длительную смуту. Значительную роль в этой смуте сыграли "исповедники", т.е. те, которые исповедовали Христа перед властями, претерпели мучения, но по той или иной причине не погибли.

2. Св. Киприан Карфагенский (200/210-258), как и Тертуллиан, родился в языческой семье, также был адвокатом и профессором риторики (словесности). Он так описывает свое обращение, происшедшее уже в зрелом возрасте: "Дух, снизошедший с неба, сделал из меня нового человека через второе рождение. И сразу же, чудесным образом, уверенность смысла сомнения".

Вскоре он стал пресвитером, а затем епископом по единодушному требованию всех карфагенян, хотя был и второй кандидат - более заслуженный пресвитер Новат. Это послужило поводом для личной неприязни со стороны Новата.

Когда во время гонения Декия по настоянию своей паствы Киприан укрылся, сторонники Новата обвинили его в трусости и предательстве. Гонение, хотя и кратковременное, было чрезвычайно жестоким. Епископы Рима, Антиохии и Иерусалима приняли мученический венец. Римская кафедра оставалась вдовой с января 250 до марта 251 г., когда две партии выдвинули двух кандидатов - Новатиана и Корнелия.

Тем временем в Карфагене Киприан восстанавливал Церковь. Исповедники, весьма почитавшиеся народом, начали принимать "падших" в Церковь, заявляя, что только они имеют на это право. Св.

Киприан воспротивился этому, утверждая, что лишь епископы имеют власть диктовать условия возвращения "падших" в Церковь: "Один Бог может примирить отступников с Церковью, а потому примирение может проходить там, где обитает Бог, - в Церкви".

Чтобы привести к единению в этом вопросе, в 251 г. он созвал собор в Карфагене, который принял решение, разделив "падших" на две категории, в зависимости от обстоятельств их отречения от Христа: одних можно было возвращать в Церковь лишь на смертном одре, других - после более или менее длительного покаяния. О решении собора было сообщено в Рим.

Исповедники, не принявшие решения собора, обвинили в отступничестве самого Киприана и избрали епископом Новата. Именно этот эпизод лежит в основе книги св. Киприана "О единстве кафолической Церкви".

Тем временем в Риме Новатиан учил, что виновных в убийстве, прелюбодеянии и отпадении Церковь не может принять назад; она может лишь молить о Божественном милосердии на Господнем Страшном Суде. Корнелий же учил, что епископ может отпускать все грехи.

Итак, вновь встал тот же вопрос о природе Церкви - что она: община святых или школа для грешников? Но и в Риме на этот вопрос был дан однозначный ответ: папой был избран Корнелий.

В 254 г. Новат и Новатиан объединились. Так было положено начало секты новатиан.

В книге "О единстве Церкви" св. Киприан пишет об абсолютном единстве Церкви и о столь же абсолютной неприемлемости расколов, которые представляют большую опасность, чем гонения, ибо они разрушают веру, искажают истину и нарушают единство Церкви. Св. Киприан имел в виду сакраментальное единство Церкви во главе с епископом: примирение "падших" осуществляется апостолом Петром, а не пострадавшими за веру.

Каждый христианин обязан принадлежать к кафолической Церкви - единой и единственной Церкви, основанной на Петре. Св. Киприан впервые употребил термин **Cathedra Petri** (престол Петров), который с тех пор постоянно используется католиками, например, в решениях 1-го Ватиканского собора (1871 г.), провозгласившего непогрешимость пап. Следовательно, необходимо понять контекст, в котором его употреблял св. Киприан.

Каждая местная церковь - единственная и единая Кафолическая Церковь во всей ее полноте: местная церковь - не частица, не кусочек Церкви, а вся Церковь. В таком же духе св. Киприан говорит и о единстве епископата. Как апостолы собраны вокруг Петра, так и пресвитеры существуют вокруг епископа - каждый обладает одинаковой властью, и все двенадцать присутствуют незримо в каждой поместной церкви. Епископство повсюду одно и то же, к нему нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Епископы местных церквей обладают не частью власти, но всей ее полнотой.

"Сие-то единство надлежит крепко поддерживать и отстаивать нам, особенно епископам, которые председательствуют в Церкви, дабы показать, что и самое епископство одно и нераздельно... Епископство одно, и каждый из епископов целостно в нем участвует. Также и Церковь одна, хотя, с приращением плодородия, дробится на множество. Ведь и у солнца много лучей, но свет один; много ветвей на дереве, но ствол один, крепко держащийся на корне; много ручьев истекает из одного источника... Равным образом Церковь, озаренная светом Господним, по всему миру распространяет лучи свои, но свет, разливающийся повсюду, один, и единство тела

остается неразделенным. По всей земле она распростерла ветви свои... обильные потоки ее текут на далекое пространство: при всем том глава остается одна, одно начало, одна мать, богатая преспеянием плодотворения" ("О единстве Церкви").

Св. Киприан ровно ничего не говорит о Риме или о римской церковной общине. По его глубокому убеждению, каждая церковь во главе с епископом является наследницей Петра - основанием единства Церкви в целом. Это отражение природы местной христианской общины, вне которой нет спасения: "Тот не может иметь Отцом Бога, кто не имеет мать Церковь".

Конкретно, говоря о "кафедре Петра", св. Киприан имел в виду свои, карфагенский епископат, а вовсе не римский, как истолковали это защитники папства и богословы Первого Ватиканского собора. Они защищают точку зрения, что Римская Церковь как бы охватывает собою весь мир, а папа - единственный "подлинный" епископ. Все епископы обязаны подчиняться ему, ибо власть Петра не связана с местным евхаристическим собранием, а принадлежит одному лицу, возглавляющему вселенскую Церковь.

Такое толкование в корне противоречит учению св. Киприана: "Господь наш, коего заповеди и увещания мы должны хранить, определяя достоинство епископа и управление своей Церкви, говорит Петру в Евангелии: "Я говорю тебе: ты - Петр (по-гречески - "камень"), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; а что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах" (Мф.16:18-19). Отсюда последовательно и преемственно вытекает власть епископов и управление Церкви, так что Церковь по-прежнему на епископах и всяким действием Церкви управляют те же начальствующие... Церковь заключается в епископе, клире и всех стоящих в вере..." ("О падших").

Итак, Киприан говорит, что слова Господа, обращенные к Петру, устанавливают епископское служение, а не примат Рима. Известно, что в первые 10 лет существования церковной общины в Иерусалиме ее возглавлял апостол Петр. Если можно говорить об епископстве св. Петра, то только в этом контексте, поэтому можно предположить, что, когда Господь говорил Свои слова Петру, Он имел в виду именно это: Петр первым возглавит местную иерусалимскую Церковь. Петр действительно председательствовал на первой евхаристии в Иерусалиме. Таким образом, он стал самым первым епископом, будучи в то же время первым из апостолов. По существу, "престол Петров" - это епископский трон на горнем месте, за престолом в алтаре каждой церкви.

И уж тем более этот текст никак нельзя истолковать в смысле того, что всем падшим надлежит отправиться в Рим и примириться с Церковью только там. Никакой особой властью Папа римский не обладает. Эта точка зрения св. Киприана проявлялась и на практике. Киприан вступил в спор с Папой римским св. Стефаном по поводу крещения еретиков. Стефан признавал действительность еретического крещения; Киприан считал, что еретиков необходимо крестить заново. Стефан считал достаточным, если была произнесена тринитарная формула. Св. Киприан писал: "Именно мы думаем и принимаем за верное, что никто не может быть крещен на стороне, вне Церкви, потому что в святой Церкви установлено одно крещение". Отрицание необходимости заново крестить еретиков, Стефан, по мнению Киприана, признает существование двух церквей.

(Продолжение в №47)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов

Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова

Электронная почта: lipunov.net@mail.ru

Сайт прихода: kuz.prihod.ru

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.

Тираж: 200 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.